

Кудрява.
2002. 30 мая —
5 июня. — С. 9

Отзвук легенды

“Габима” в Москве

Сцена из спектакля “Кадиш по Номи”

Три спектакля, привезенных в Москву национальным театром Израиля “Габима”, — это не обычная гастрольная поездка, не ознакомительный визит и даже не демонстрация культурных связей между двумя странами. Это некая очень важная и по-настоящему волнующая акция, потому что театр “Габима” уже во второй раз (впервые это было в 1990 году) привез спектакли на свою родину.

Едва ли не единственный в истории случай, когда национальный театр возник на три десятилетия раньше государства, в чьем культурном формировании и осознании чувства национальной гордости сыграл значительную роль. К моменту провозглашения Государства Израиль в 1948 году репертуар “Габимы” насчитывал около 90 названий, в числе которых было немало произведений русской классики.

История “Габимы” известна многим благодаря замечательной книге В.Иванова, появившейся несколько

лет назад, и, конечно, самим себе не отдавая в том отчет, мы ждали встречи с легендой. Этого по вполне понятным причинам не произошло, потому что легенда принадлежит Вечности, а сегодняшний театр — Времени.

И вот в этом самом времени, где и произошла наша встреча с “Габимой”, возникло событие по-своему трогательное и чрезвычайно интересное. Мы увидели театр, в котором, как, пожалуй, в каждом национальном театре, свято сохраняется корневая связь со своим началом. В данном случае — с русским психологическим театром, соединившимся для тех, кто основал “Габиму”, с особым национальным колоритом (в частности, с принципиальным использованием иврита).

В гастрольной афише было три названия — “Кадиш по Номи” по Аллену Гинзбургу, моноспектакль подлинной звезды израильской сцены Гилы Альмагор “Лето Авии” по ее собственной книге, переведенной

на многие языки и ставшей давно уже бестселлером в Израиле, и “Дневник Анны Франк” по пьесе американских драматургов Ф.Гудвич и А.Хаккета.

Написанная в 1955 году и почти сразу поставленная на Бродвее пьеса по дневнику голландской девочки, погибшей в концлагере, можно смело сказать, обошла весь мир. И, естественно, для театра “Габима” она оказалась материалом поистине необходимым и ценным, потому что именно в этом спектакле, поставленном режиссером Рони Пинковичем (сценография А.Вакса, костюмы Э.Нир, музыка О.Захави, свет Н.Саде), особенно отчетливо можно проследить “корни и ветви” сегодняшнего национального театра Израиля.

“Дневник Анны Франк” — произведение, которое, появившись впервые в России в 1960 году, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Тогда возникло у нас в стране несколько спектаклей. Их было много и в

других странах, в США был снят художественный фильм, в Израиле была даже исполнена моноопера Г.Фрида.

Рони Пинкович прочитал историю об убежище, в котором скрывались на протяжении долгого времени две еврейские семьи и зубной врач, очень просто и естественно. Здесь нет никаких событий, но здесь все становится событием. Здесь время струится медленно и монотонно, но оно мчится стремительно, неумолимо приближаясь к трагической развязке. На сцене в подробностях воспроизведен чердак над учреждением, где честно трудился Отто Франк (Шалом Шмулов), обожаемый отец Анны, ее кумир, единственный, кому девочка может поведать о своих ночных страхах, о сомнениях и горестях; человек, который ничем не обольщается и очень точно понимает с самого начала, чем все завершится. Одна деталь: в момент, когда за обитателями чердака приезжают с визгом тормозов и громкими гортанными выкриками эсэсовцы, Отто быстрым движением, ни на миг не растерявшись, достает из портфеля и прячет в носок деньги. Может быть, вопреки всей логике событий, удастся подкупить мучителей?

Каждый из персонажей нарисован резкими и достаточно скупыми штрихами: госпожа Франк (Татьяна Канелис-Ольер), Марго (Инбал Шохам), госпожа Ван Даан (Лият Горен), Питер (Гай Зу-Арец), господин Ван Даан (Арье Москуна), доктор Дуссел (Михаэль Кореш), Мип (Давид Гавиш), Кралер (Момо Тарловский) — они раскрыты ровно настолько, насколько помогают нам пережить историю Анны, сыгранной Таль Цидкони щедро, распахнуто. В спектакле к этой девочке, как к световому центру, стягиваются все: настроения прочих персонажей, их оценки событий, их переживания, столкновения. Потому что, по мысли режиссера, эти люди становятся поневоле “барьерами” того бесконечно сужившегося мира, в котором, подобно редкому, яркому цветку, раскрываются обреченная личность и обреченный талант. Можем ли мы предугадать, какой стала бы Анна Франк, доведись ей пережить ужас фашизма? Конечно же, нет.

Может быть, именно поэтому начале спектакля Таль Цидкони так неукротимо, открыто “играет и маленькую девочку” — вся невосполненность настоящей жизни, вся грядущая обреченность словно протестуют против этих стен, против занавешенных окон, против жестко ограниченного круга людей, среди которых придется быстро взрослеть, приравливаясь к их привычкам. Попытка вырваться за грань узкого и трагичного мирка, насытить сегодняшнее существование безумными выходками, смехом, шалостями — Таль Цидкони выражает все эти стремления своей героини вспышками такого темперамента, от которого мы в театре давно отвыкли. Но эти “излишества” понимаются и по-настоящему осознаются во втором акте, когда перед нами предстанет повзрослевшая Анна, для которой ее дневник — состоявшееся вопреки всему расширение границ, общение с миром, вызов жизни.

И в этом смысле поразительна сцена, когда Анна, вернувшись из комнаты Питера, где они, поддавшись первому чувству, невольно разыгрывали другую жизнь, задумчиво раздевается, ложась спать, и внезапно всматривается туда, за стены своей комнаты, где тоже готовится ко сну Питер. И они видят друг друга, эти несчастные влюбленные, видят сквозь стены, сквозь то невыносимое настоящее, в котором живут день ото дня, до той страшной минуты, когда все кончится...

Спектакль “Дневник Анны Франк” поставлен и сыгран в традициях русской психологической школы, сегодня кажущейся нам во многом устаревшей, музейной. Но эта школа обогащена огромным национальным опытом, в котором есть моменты отчасти генетические: вековое, неистребимое чувство страха и связанный с ним надрыв, обращенный непосредственно к нашему чувству и включающий его порой и вопреки нашему желанию. Все это и составляет сегодня особый путь и особый почерк театра “Габима”.

Наталья
СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото ИТАР-ТАСС